

АРТЁМКИН Антон Николаевич — аспирант кафедры философии политики и права Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-кт, 27, корп. 4; Anton5@narod.ru)

«УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ВОПРОС»: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСИТЕТСКОГО УСТАВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению процессов создания университетских уставов в Российской империи. Автор раскрывает причины возникновения «университетского вопроса», напрямую связанного с политикой того времени, рассматривает проблемы выработки основного документа, определявшего права и обязанности университетов.

Ключевые слова: университетские уставы, «университетский вопрос», просвещение, политика в области образования

Высшим звеном в сфере народного просвещения России с 1802 г. стал университет, инспектировавший другие образовательные учреждения — гимназии и прогимназии, уездные и приходские училища и т.д. С этого времени все университеты находятся в ведении Министерства народного просвещения (раньше они находились в ведении Сената). Начиная с XIX в. и до 1917 г. с университетами принято связывать понятие «университетского вопроса». Под ним как в литературе этого времени, так и в историографии принято понимать весь комплекс проблем, относящихся к деятельности университетов: их внутреннее устройство, административно-ведомственную организацию, борьбу партий в студенческой и профессорской среде, а также развитие всей структуры университетов. Этот вопрос, безусловно, был связан с государственной политикой и носил политический характер, т.к. дело касалось власти.

Всплеском общественного и научного интереса к этому вопросу следует назвать 50-е гг. XIX в. и особенно начало XX в. [Трубецкой 1904]. В первом случае основой для дискуссии послужила статья Н.И. Пирогова «Университетский вопрос». В литературе советского времени «университетский вопрос» практически никогда не фигурировал.

Предпосылкой выделения данного понятия стал процесс обособления университетской жизни. Этого опасался Александр I, который в разговоре с профессором Г.Ф. Парротом заметил: «Всеми своими силами я работаю над тем, чтобы установить равенство в правах среди моей нации, уничтожить различные разряды, поскольку это ни к чему хорошему не служит. Ради этого я употребляю всю меру власти, которое провидение мне доверило. А Вы хотите этому помешать! Образовав новую касту, не буду ли я вынужден впоследствии с нею сражаться?» [Андреев 2009: 368]. Формирование новой сферы общества ускорило процесс становления среднего класса в России и создание первой народной интеллигенции, оказавшей в дальнейшем значительное влияние на историю страны. Документом, определяющим права и обязанности как самих университетов, так и подведомственных им учреждений, стал университетский устав. «Университетский вопрос» тесно переплетался с его содержанием.

Университетский устав возник с учреждением первого в России университета в 1755 г. Являясь главным документом, определявшим всю систему просвещения в стране, он отражал представления правительства об этой области жизни. При создании каждого из уставов формировалась специальная комиссия, определяв-

шая потребности государства и населения в соответствии со своими представлениями, в которых при принятии решений политическая ситуация и социальное положение ее членов играли не последнюю роль.

Условно университетские уставы могут разделяться на 2 вида – увеличивающие автономию университетов и уменьшающие ее, увеличивая вмешательство правительства путем жесткого административного контроля. К уставам первого рода относят уставы 1804 и 1863 гг. Ко второму – уставы 1835 и 1884 гг., ставшие реакцией на политические события: в первом случае – на восстание декабристов в 1825 г., а во втором – на убийство императора в 1881 г.

Первый устав фактически был составлен двумя людьми – И.И. Шуваловым и М.В. Ломоносовым: «по мысли М.В. Ломоносова и по образцу тогдашних немецких университетов» [Ремарчук].

В отношении второго устава работа шла в несколько этапов. 18 марта 1802 г. был создан Комитет по рассмотрению новых уставов учебных заведений, в который вошли: сенаторы М.Н. Муравьев, С.О. Потоцкий и академик Н.И. Фус (впоследствии к ним присоединился профессор Ф.Г. Баузе), секретарем стал В.Н. Каразин. Затем, после учреждения министерств 8 сентября 1802 г. создается Комиссия об училищах. В нее входят: члены созданного ранее комитета, граф П.В. Завадовский, ставший председателем, князь А.Е. Чарторыйский, академик Н.Я. Озерецковский, генерал-майоры Ф.И. Клиндер и Хитров (о последнем практически ничего не известно) и два члена Комиссии об учреждении народных училищ – П.С. Свистунов и Ф.И. Янкович де Мириево. А.Ю. Андреев замечает, что, хотя все члены оказали большое влияние на создание устава, среди членов Комиссии не было людей, способных отстоять автономию университетов. Следовательно, предоставление им автономии было делом рук не только самого монарха, но и способствовавшему этому профессора Дерптского университета Г.Ф. Паррота, повлиявшего на решение императора [Андреев 2009: 366-370]. В результате сначала был отдельно создан Комитет по обсуждению будущего Устава, в который вошли Чарторыйский, Новосильцев и Паррот, затем был сформирован еще один комитет, в который вошли члены предыдущего, а также Потоцкий и Строганов. Вследствие этого с ноября 1802 г. «университетский вопрос» был изъят из компетенции Комиссии об училищах, а прямое участие Александра I в обсуждении изъяло данный вопрос и из компетенции министерства.

Главным идеологом третьего устава 1835 г. выступил граф С.С. Уваров, мысли и идеи которого полностью отражали желания Николая I относительно постановки просвещения в стране [Петров 2003: 72-172]. Утверждению данного устава предшествовали различные разборы проектов [Попов 1998].

Принятие устава 1863 г. стало необходимым после реформ 1861 г. по освобождению крестьян. Сама подготовка первых проектов нового устава началась еще в 1850-х гг. [Томсинов 2012]. Для разработки нового устава Александр II создал специальную комиссию при Министерстве народного просвещения, состоящую из университетских профессоров. В нее входили: Е.Ф. фон Бранке, назначенный главой комиссии и бывший попечителем Дерптского учебного округа, профессора-правоведы Н.Х. Бунге, С.В. Пахман, а также попечители учебных округов генерал-майор Н.В. Исаков (Московский учебный округ), генерал-лейтенант Г.И. Филиппсон (Санкт-Петербургский учебный округ), барон А.П. Николаи (Киевский учебный округ), князь П.П. Вяземский (Казанский учебный округ) и помощник попечителя Харьковского учебного округа К.К. Фойгт. Значительное влияние на создание проекта оказал министр народного просвещения А.В. Головин. Он предложил подвергнуть выработанный проект качественной проверке университетских советов и передать его

«рассмотрению лиц, известных им своей педагогической опытностью»¹. Текст проекта был переведен на немецкий, французский, английский языки и послан известным педагогам Германии, Франции, Бельгии и Великобритании с просьбой сделать замечания. Полученные суждения были выпущены в сборнике для всеобщего ознакомления². В это же время в целях ознакомления с функционированием и устройством лучших западноевропейских университетов и «для собрания разных сведений касательно устройства учебной части и мнений известных иностранных ученых и педагогов относительно составленного особю Комиссию проекта университетского устава»³ был послан в командировку профессор К.Д. Кавелин⁴. Получив замечания, император приказал Головину рассмотреть их и переделать проект⁵, «приглашая в свои заседания и других способных лиц, кроме членов Учебного комитета»⁶. После работы, проведенной советами университетов и ученым комитетом Главного правления училищ, был создан документ, известный как Устав 1863 г. В его создании приняли участие профессора отечественных университетов, Министерство народного просвещения, а также был использован опыт лучших мировых университетов и замечания ведущих зарубежных ученых.

Последующий устав 1884 г., по замечаниям историка П.Г. Виноградова, стал прежде всего «не педагогическою, а политическою мерою» [Виноградов 2008: 110]. Его появлению предшествовало расследование состояния университетов в 1875 г. комиссией под председательством графа И.Д. Делянова [Шетинина 1976: 55-69], посетившего все университеты страны и собравшего объемный материал по «университетскому вопросу»⁷. Оказалось, что собранный материал представляет из себя «непроверенную массу самых разнообразных показаний и документов (...) голословных обвинений, необоснованных впечатлений и тенденциозных преувеличений» [Виноградов 2008: 110]. Попытки сделать его разбор и анализ предпринято не было, а «были извлечены кое-какие эффектные данные, чтобы их якобы документальным авторитетом подкрепить нарекания меньшинства комиссии, добивавшегося преобразования университетов» [Виноградов 2008: 110]. Ректоры университетов, присутствовавшие в комиссии, пытались единогласно противостоять такой выборке, но безуспешно. Главным заявлением меньшинства комиссии стало порицание академического преподавания за «путаницу и несообразность» [Виноградов 2008: 110].

¹ 31 января 1862 года. — *Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения*. СПб., 1867. Т. 3. С. 1850-1864. Ст. 458.

² *Замечания на проект Общего устава императорских российских университетов*. Ч. 1-2. СПб., 1862; *Замечания иностранных педагогов на проекты уставов учебных заведений Министерства народного просвещения*. СПб., 1863.

³ *Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП)*. 1862. Ч. 113. № 2. Часть официальная. С. 60.

⁴ Кавелин К.Д. Очерк французского университета. — *ЖМНП*. 1862. Ч. 114. № 6. Отдел 1. С. 141-167; Ч. 115. № 7. Отдел 1. С. 1-44.; Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 99-168; он же. Устройство и управление немецких университетов. — *Русский вестник*. 1865. Т. 56. № 2. С. 516-559; № 3. С. 53-92; Извлечение из письма профессора Кавелина к управляющему Министерством народного просвещения из Парижа от 3/15 мая 1862 года. — *ЖМНП*. 1862. Ч. 114. № 5. Отдел 1. С. 114-125.

⁵ *Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава императорских российских университетов*. СПб., 1862; Кавелин К.Д. Свобода преподавания и учения в немецких университетах. — *ЖМНП*. 1863. Ч. 117. № 3. Отдел 3. С. 408-431; Ч. 118. № 4. Отдел 3. С. 131-155; *Собрание сочинений К.Д. Кавелина*. Т. 3. *Наука, философия и литература*. СПб., 1899. С. 5-91; Кавелин К.Д. Устройство и управление немецких университетов. — *Русский вестник*. 1865. Т. 56. № 2. С. 516-559; № 3. С. 53-92; *Собрание сочинений К.Д. Кавелина*. Т. 3. С. 92-212; Извлечение из письма К.Д. Кавелина от 4/16 октября 1862 года. — *ЖМНП*. 1862. Ч. 116. № 11. Отдел 1. С. 183-195.

⁶ *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения*. СПб., 1865. Т. 3. *Царствование императора Александра II*. 1855-1864. Ст. 780-781.

⁷ Материалы, собранные отделом высочайше утвержденной комиссии для пересмотра Общего устава российских университетов при посещении их в сентябре, октябре и ноябре 1875 г. СПб., 1876.

Решение относительно низкого качества постановки учебного процесса в университетах вызывает вопросы, т.к. министры, предложившие проект и проводившие новый устав, ранее замечали иное. До создания комиссии граф Д.А. Толстой во всеподданнейшем отчете сообщал, что в стране просвещение поставлено на достойном уровне: «взгляд вообще благоприятный для ученой деятельности университетов и для умственного и нравственного уровня слушателей университетских лекций» [Виноградов 2008: 110]. Сам И.Д. Делянов открыл в 1875 г. заседание комиссии торжественной речью, восхваляя российские университеты и утверждая, что «лучшая часть нашего общества смотрит [на них] с почтением» [Виноградов 2008: 111]. Иная характеристика университетов прозвучала в его словах в Государственном совете.

Главными идеологами содержания проекта 1884 г. выступили И.Д. Делянов, бывший тогда министром народного просвещения, и министр внутренних дел граф Д.А. Толстой, с 1866 по 1880 г. занимавший пост министра народного просвещения, считавший ученых «не лучше детей, неспособных к управленческой деятельности» [Половцов 2005: 139]. Разработанный ими проект устава [Щетина 1976: 138-145] до утверждения императором попал на рассмотрение в Государственный совет. Мнения относительно проекта разделились. Точкой спора стали экзамены и экзаменационные комиссии. Большая часть выступила против назначения экзаменационных комиссий и установки условий экзамена министерством, лишая этого права университет, обезличивая преподавание и выказывая недоверие его преподавателям [Виноградов 2008: 123]. Меньшая часть совета (Д.А. Толстой, И.Д. Делянов, Т.И. Филипов, А.И. Георгиевский, М.Н. Островский, П.Н. Дурново) ратовала за полную передачу экзаменов на усмотрение министерства. При этом будущий министр внутренних дел П.Н. Дурново, замечал: «Что за нелепость, а между тем я имею приказание от Дмитрия Андреевича [Толстого] безусловно соглашаться с Деляновым, которого граф винит за чрезмерную уступчивость...» [Половцов 2005: 164]. При аргументации своей позиции перед императором составители проекта утверждали, что проект составляет единое целое, и отдельные его части отбрасывать или принимать нельзя. Член совета А.А. Половцов замечал, что все согласны с необходимостью стеснить профессорское самоуправление и усилить правительственный надзор, но так же единодушно отвергали возможность установления государственных экзаменов [Половцов 2005: 122]. Указывая в беседе с императором на «тугость» продвижения в принятии проекта, он утверждал, что «Совет единогласно стремился к водворению дисциплины и порядка, а составители устава, добиваясь свободы чтения, слушания, отмены курсовых испытаний и установления одного экзамена не в университете, ведут к ослаблению научных занятий» [Половцов 2005: 165]. Половцов вспоминал: «После продолжительных прений в начале пятого часа заседание было прервано на несколько минут. Я воспользовался этим, чтобы сказать Делянову: “Не понимаю, Иван Давидович, как Вы, будучи консерватором, ведете нас к политическому несчастью. Ведь Вы видите, что в вопросе об экзаменах весь Государственный совет будет против Вас. Значит, Вы ставите государя в необходимость или согласиться с огромным большинством и в таком случае лишиться такого министра, как Вы, потому что Вам, разумеется, надо будет выйти в отставку. Если же государь согласится с Вами, то он как бы даст пощечину Государственному совету, подорвет в глазах народа уважение к высшему государственному учреждению”» [Половцов 2005: 146]. Делянов, по продолжению заседания, был вынужден изменить свою позицию относительно экзаменов. В результате император должен был все решить своим самодержавным словом, к чему его и призывали некоторые члены Совета в записках, надеясь, что он займет сторону большинства [Половцов 2005: 260-262]. Вследствие этого в целях вынесения окончательного решения по данному вопросу он в августе 1883 г. намеревался

«собрать у себя главных представителей различных мнений» [Половцов 2005: 264] и поставить точку в этом деле. Так, 15 августа 1884 г. устав, против которого высказалось большинство членов Государственного совета, был все же утвержден. По замечаниям Половцова, данный документ стал скорее лоббистским проектом группы заинтересованных людей, чем желанием принести пользу стране. Так, С.А. Бобринская, урожденная Шувалова, высказывала разделяемое им убеждение, что те же «экзаменационные комиссии, на коих настаивает новый устав, — выдумка Каткова, долженствующая принести ему большие денежные выгоды» [Половцов 2005: 194]. Поскольку данный устав не отражал потребности населения и не отвечал требованиям времени, то он никак не мог просуществовать долго и неизбежно должен был быть заменен. Тем не менее он оказался последним университетским уставом, просуществовавшим до 1917 г., несмотря на то, что в начале XX в. были предприняты многочисленные попытки создать новый проект.

Существует и иное мнение относительно причины появления устава 1883 г. Так, А. Дмитриев пишет, что «именно видение университета не просто как высшей школы лучшего и наиболее полного, универсального типа, но как структуры, способствующей социальной элите, двигало сторонниками “контрреформ” конца XIX столетия», замечая, что на это указывает и «беспрепятственный допуск в университет именно выпускников классических гимназий, огражденных от “кухаркиных детей”» [Дмитриев 2009: 106].

Студенческие выступления, возглавляемые профессорами, были связаны напрямую с неудовлетворенностью политикой в сфере просвещения и конкретно уставом 1884 г. В 1902 г. студент С.В. Балмашов убил министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Причиной убийства стало его убеждение, что министр был «препятствием к распространению просвещения в России» [Половцов 2015: 351-352].

Значительное влияние на политику государства оказывала и университетская профессура. Ей отдавалось предпочтение при назначении на ключевые административные места. В прочих университетских городах профессура чаще, чем в столице, влияла на местную общественную жизнь [Дмитриев 2009: 112]. Недовольство академической среды сильным контролем со стороны правительства постепенно начинает выражаться прямыми требованиями со стороны первых создать новый законопроект в области просвещения, а прямое препятствование устава любой форме социальности ускоряло данный процесс. Черта в этом вопросе была подведена в 1899 г., когда после сорванного студентами торжественного ежегодного акта в Петербургском университете и последующего за этим избиения студентов полицией начались массовые студенческие забастовки, отразившиеся на всех университетских городах. Результатом этих событий стали толпы исключенных студентов, высылки и аресты. С.Ю. Витте, по чьей инициативе было введено наказание в виде отдачи студентов в солдаты без права выслуги за существенные нарушения академической жизни, составил особую записку, подписанную рядом других министров. После ее рассмотрения Николаем II было решено учредить специальную комиссию по расследованию причин их возникновения. Выводы, сделанные комиссией, наряду с критикой действий полиции и министров внутренних дел и народного просвещения, включали необходимость пересмотра действующего устава. В отчете указывалось, что «студенческие выступления не носили антиправительственный характер, что надо сблизить профессоров и студентов, разрешить последним создавать свои организации для культурных и научных целей, наладить более гибкую систему контроля над студенчеством» [Аврус 2001: 36]. Благодаря отчету, уже в циркуляре от 27 июня 1899 г. министр народного просвещения указывал на потребность изменить положение университетской комиссии. В последующем циркуляре разрешалось создавать научные и литературные кружки под руководством профессоров (однако, оговаривалось: «не допускать их вырождения

в иные организации», «вредные в академических отношениях», а также назначить для руководства ими «твердых и серьезных» преподавателей). Студенческие организации, обладавшие явными признаками самоуправления, признавались «вредными» и запрещались. С этого времени начинается история создания проектов нового университетского устава, а все предыдущие Виноградов называл «национальным несчастьем» [Виноградов 2008: 107].

Несмотря на стремление власти подчинить академическое пространство и полностью бюрократизировать процесс просвещения, правительство все чаще вынуждено было идти на уступки, расширяя академические права и привлекая наиболее компетентных специалистов из академической среды. Характер послаблений оказывался все более значительным по мере возникновения сильных политических потрясений.

Список литературы

Аврус А.И. 2001. *История российских университетов*. М.: Московский общественный научный фонд. 85 с.

Андреев А.Ю. 2009. *Российские университеты XVII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы*. М.: Знак. 648 с.

Виноградов П.Г. 2008. *Россия на распутье: историко-публицистические статьи*. М.: ИД «Территория будущего». 576 с.

Дмитриев А. 2009. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы). – *Университет и город в России (начало XX века)*. М.: Новое литературное обозрение. С. 105–204.

Петров Ф.А. 2003. *Формирование университетского образования в России*. М.: Изд-во МГУ. Т. 3. 480 с.

Половцов А.А. 2005. *Дневник государственного секретаря. В 2 т. Т. 1. 1883–1886 гг.* М.: Центрполиграф. 639 с.

Половцов А.А. 2015. *Дневник. 1893–1909*. СПб.: АНО «Женский проект»; Алетейя. 704 с.

Попов О.В. 1998. Из истории подготовки Общего устава российских университетов 1835 г. – *Российские университеты в XVIII–XX вв.* Вып. 3. С. 42–56.

Ремарчук В. Из истории университетских уставов. – *Интернет-журнал «Ломоносов»*. Доступ: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1156036> (проверено 23.09.2016).

Томсинов В.А. 2012. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года. – *Университетская реформа 1863 года в России*. М.: Зерцало. С. 63–117.

Трубецкой Е.Н. 1904. Университетский вопрос. – *Право*. № 50.

Щетинина Г.И. 1976. *Университеты в России и устав 1884 года*. М.: Наука. 229 с.

ARTEMKIN Anton Nikolaeovich, postgraduate student at the Chair of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University (27, bld. 4 Lomonosovsky Ave, Moscow, Russia, 119991; Aanton5@narod.ru)

UNIVERSITY PROBLEM: POLITICAL ASPECTS OF UNIVERSITY STATUTE FORMATION

Abstract. The article considers the processes of creation of the University Charter in the Russian Empire. It reveals the causes of the university issue directly related to the policy of the time, and the main problems associated with the development of the main document that defined rights and responsibilities of universities.

Keywords: university statutes, university issue, education, education policy